

О.А. ВЕРЕЩАГИН

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ОНТОЛОГИИ
В ДИСКУРСЕ ПОСТМОДЕРНА**

Статья посвящена исследованию альтернативных практик социального анализа в дискурсе постмодерна. Социальные онтологии постмодерна, по мнению автора, отражают сдвиг в стратегиях и интенциях научного творчества, обусловленный экспансией телематических средств в публичное пространство экономики, политики и культурной жизни. Вся совокупная проблематика социальной теории «второй модернити» является рефлексией оснований нового типа социальных связей и отношений, опосредованных актуальными практиками реальных и виртуальных коммуникаций. Новая социальная реальность в различных её форматах таких как «прозрачное общество» или «общество риска», как полагает автор, характеризуется смещением прежних структур социального взаимодействия, то есть зримой явной детерриториализацией границ традиционного социокультурного пространства.

Ключевые слова: глобализация, космополитизм, масс-медиа, медиа-картина мира, «общество риска», «прозрачное общество», «текущая современность»

Верещагин Олег Александрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры права, философии и социальных дисциплин, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал). E-mail: belgardt@mail.ru

O.A. VERESHCHAGIN

**ALTERNATIVE SOCIAL ONTOLOGY
IN THE DISCOURSE OF POSTMODERNISM**

The article is devoted to alternative practices of social analysis in the discourse of postmodernism. Social ontology of postmodernism, according to the author, reflects a shift in the strategies and intentions of scientific creativity due to the expansion of telematics in the public space of economy, politics and cultural life. All the cumulative problems of social theory of the «second modernity's» are the reflection of the bases of a new type of social ties and relationships, mediated by actual practitioners of the real and virtual communications. New social reality in its various formats, such as «the transparent society» or «risk society», as the author says, is characterized by the displacement of the previous structures of social interaction, i.e. visible deterritorialization of the boundaries of the traditional socio-cultural space.

Keywords: globalization, cosmopolitanism, mass media, media picture of the world, «risk society», «the transparent society», «liquid modernity»

Oleg A. Vereshchagin – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Law, Philosophy and Social Sciences, National Research Nizhny Novgorod State University n.a. N.I. Lobachevsky (Arzamas branch). E-mail: belgardt@mail.ru

Постмодернистский социальный дискурс множит концепты с негативной смысловой нагрузкой. Чрезвычайно показательна в этой связи использование формы «пост» для формирования современной социальной концептосферы. Исследователи, работающие в постнеклассической социальной парадигме, сознательно самоустраиваются и дистанцируются от идентификации того или иного общественного явления в жёстких семантических рамках. Очевидно, что смысловые границы «пост-ничто» (постистория, постэкономика, посткультура) подвижны и не требуют от обществоведа чёткого фиксированного содержания, поэтому в социальной теории наблюдается про-

гресс языковых игр со стремлением радикально переписать традиционный словарь социогуманитаристики.

В сомне негативных (с точки зрения семантики) определений современных форм социальности (постмодерн, постэкономика, постистория, посткультура) сложно уловить некую однозначную модель концептуализации существующих социальных изменений и процессов и таким образом представить эти изменения в модусе взаимной обусловленности и смысловой связанности. Напротив, мы наблюдаем пролиферативный рост различных интерпретативных версий социального, которые бесконечно множат и дробят дискурсивное пространство со-

циогуманитаристики на отдельные несоизмеримые и некомплементарные теоретические фрагменты.

Фрагментарность стала знаком (меткой) нашего времени вместе с исчезновением универсального горизонта исследований, определяя некое общее ментальное состояние всеобщей растерянности и разочарованности, или, говоря словами Ж. Деррида, обозначением специфического мироощущения «вокруг Вавилонских башен» [8], когда приходит осознание «неадекватности одного языка другому, одного места в энциклопедии другому, языка самому себе и смыслу...» [8, с. 9]. «Вавилонизация» как общекультурный тренд порождает соответствующие интеллектуальные практики, которые максимально критически оценивают возможность по «демифологизации» своих духовных истоков и оснований, полагая спонтанность и неконтролируемость важнейшей имманентной чертой смыслообразования в культуре. В этом значении, считает Деррида, миф о «Вавилонской башне» является как бы «мифом об истоке мифа, метафорой метафоры, рассказом рассказа, переводом перевода...» [8, с. 9], он воплощает и конфигурирует идею неустраиваемой множественности языков, «выставляя напоказ незавершённость, невозможность выполнить, осовокупить, насытить, завершить что-либо из разряда построенных, архитектурной конструкции, системы и архитектоники» [8, с. 10].

Многоязычие и полисемия, о которых говорит Деррида, с одной стороны, диагностируют и определяют некое общее духовное состояние в пространстве межкультурных (кросскультурных) коммуникаций, и, с другой стороны, являются формой реализации наиболее релевантных этому состоянию способов межкультурного взаимодействия.

Актуальные рефлексии нынешнего этапа социокультурного развития не претендуют на воссоздание целостного образа социальной реальности, сознательно избегают односторонних генерализаций и обобщений. В определённом смысле это демонстративный акт в отношении традиционных практик социального анализа с их интенциями качественного роста гуманитарного знания и однозначной кумулятивностью научных целей и задач. Исследовательский интерес очевиден образом смещается в плоскость афористически-метафорических образов, взрывающих традиционный дискурсивный строй мысли и одновременно отменяющих негласные понятийные конвенции в господствующей модели соци-

ального познания. В целом наблюдается «расползание» ткани знакомого общественного бытия в плане построения альтернативных социальных онтологий вместе с радикальными изменениями на всех уровнях эпистемологического анализа.

Отмеченными характеристиками афористичности, метафоричности и вместе с тем скрупулёзностью анализа социальной действительности наделён авторский стиль З. Баумана, создавшего оригинальный дискурс общества постмодерна. Бауман активно эксплуатирует метафору «liquid modernity» [1] для описания западного общества в ситуации социального транзита от структурированного и стратифицированного мира модерна к постмодернистскому состоянию «мира без границ», мира низвергнутых социальных иерархий и децентрированных культурных пространств. «Текущая современность» существует в режиме перманентной «плавки твёрдых тел», то есть в режиме размывания традиционных институтов и структур социального порядка, размягчения и разъединения традиционных уз социального единства, разделение и разрыва прежних форматов социального взаимодействия: «Твёрдые тела, чья очередь быть брошенными в плавильный тигель настала и которые уже находятся в процессе переплавки в наше время – время текучей современности, – есть связи, соединяющие индивидуальные действия в коллективные планы и действия – паттерны коммуникации и координации между индивидуальными линиями поведения, с одной стороны, и политическими действиями коллективов людей, с другой» [1, с. 12].

Перспективы общества «liquid modernity», по мнению Баумана, связаны с идеей перераспределения «сил плавления» современности. Речь уже не идёт о замене одного принципа структуриации другим альтернативным способом упорядочения социальных отношений. Понятие «социального порядка» во многом оказывается элиминировано действующей практикой социальных транзакций, поскольку паттерны и конфигурации, на основе которых эти транзакции осуществляются, потеряли свойство самоочевидности и устойчивости. Согласно Бауману, изменяется статус норм и стандартов социального поведения, они оказываются «реклассифицированы как пункты в списке индивидуальных задач» [1, с. 14] и лишены своей принудительной регулятивной силы. Жизненные траектории отныне не имеют жёсткой привязки к паттернам социальной коммуникации, которые сами

ситуативно корректируются под воздействием изгибов и поворотов в нестабильном социальном контексте. Запущенный механизм перераспределения «сил плавления» последовательно расширяет сферу своего воздействия на социальные явления, поэтому «силы сжижения», говоря словами Баумана, «переместились от системы к обществу, от политики к жизненным установкам или опустили с макро- на микроуровень социального общежития» [1, с. 14].

Иллюстративные образы «постмодернистской реальности» органично вписываются в теоретические построения У. Бека, который предложил рассматривать социальные явления поздней современности в смысловых рамках концепта «общества риска» [3]. «Общество риска» лишается черт закрытости, автаркичности и самозамкнутости, атрибутивных для социальности «первой модернити». Мир «второй модернити» – мир, отмеченный явлениями детерриториализации национальных и иных культурных границ. Бек говорит об экспансии «транснациональных форм жизни» в эпоху господства масс-медиа, когда «культурные отношения, лояльность и идентичность вышли за национальные пределы, ускользая от государственных систем контроля» [2, с. 60]. Распространение космополитического мировоззрения, по Беку, является неизбежным итогом глобализации социальных отношений и интенсификации межкультурных и транскультурных связей и взаимодействий. Постулируемые немецким теоретиком идейно-мировоззренческие максимы космополитизма сознательно противопоставляются теории «территориально-тюремной» идентичности, общества и политики, формировавшей социальный образ застывшей социальной реальности. Появление разнообразных видов транснациональных связей и противостояний и их прогнозируемый экспоненциальный рост в будущем социальном развитии делает невозможным существование традиционных общностей и привычных социальных идентичностей в прежних «территориальных» рамках. Имеющая место культурная диффузия разукрупняет и делокализует ранее устойчивые «социальные миры», формируя новые причудливые узлы и сочетания в ткани социального пространства. В «обществе риска» как обществе всеобщей коммуникации синхронно происходят спонтанные взаимообусловленные процессы билингвизации, социальной аккультурации и этнической метисации. Как отмечает Бек, рост коли-

чества людей «без корней», «отщепенцев», «бездомных», сидящих «между культурными стульями», весьма показателен в отношении современных практик межкультурных и транскультурных коммуникаций, объективно способствующих размыванию форм индивидуальной и коллективной идентичности. Не случайно, символической фигурой общества постмодерна становится пелевинский Homo Zapiens [9], являющийся одновременно и субъектом, и объектом «зэппинга» и «грейзинга». Современник подспудно или целенаправленно, прямо или косвенно превращается в трансграничного культурного мигранта, затерянного в «саду расходящихся тропок» [5] в глобальной сети коммуникаций.

Акцент на всеобщей коммуникативности как базовой характеристике «общества постмодерна» – часто встречающийся сюжет в аналитике тех качественных изменений, которые привели к смещению властного центра из собственно административной (публичной) плоскости в многомерное пространство масс-медиа, с постепенной утратой должного контроля со стороны общества за медийными технологиями и практиками.

Современный социальный теоретик Дж. Ваттимо, воспроизводя максимум о постмодерне как обществе всеобщей коммуникации или обществе масс-медиа, специально указывает на реальную непрозрачность «прозрачного общества» [7] для одномерных стратегий социального анализа. Связано это в первую очередь с феноменом несамостоятельности общества постмодерна, ускользающего от плоских генерализаций и структуриаций реалистического способа репрезентации. Можно сделать предположение, что «общество постмодерна» – первый в истории тип общества, полностью выпестованный медийными средствами и существующий в качестве конструкта медиареальности. Фактически мы имеем дело с обособлением и суверенизацией медийного пространства («медиа-картины мира» [10]) от собственного референта.

По существу имеет место феномен тотальной дереализации «образов реальности», которые конструируются телематическими средствами. Привычная «картина реальности» социального мира оказывается в СМИ предельно размытой, фрагментарной и хаотичной, поскольку масс-медиа высвобождают свой творческий потенциал, сознательно игнорируя любые стратегии метаповествования как нелиберальные и «тоталитарные». Как отмечает Ваттимо, «реальность для нас яв-

ляется скорее результатом переплетения (*contaminazione*, «заражения» в латинском смысле) многочисленных образов, интерпретаций, реконструкций, которые, конкурируя между собой, и, во всяком случае, без какой-либо «центральной» координации, распространяют масс-медиа» [7, с. 14]. В этом смысле безуспешными и наивными кажутся любые попытки демифологизации (расколдовывания) мира, то есть соотнесения его с неким подлинным референтом, «реальностью по преимуществу». Открытость мира, его сложность и многомерность, делает его закрытым для реалистического монологического способа репрезентации.

«Безусловный мир» не выдержал атаки медийных (телематических) средств и подвергся вторичной мифологизации («фабулизации») в плюралистическом пространстве медиасреды. Поскольку реальность, говоря словами В. Беньямина, «технически воспроизводима», речь уже не идёт о «месте нахождения оригинала» [4, с. 20]. Экспансия технических (телекоммуникационных) средств элиминирует проблему подлинности репрезентации и «открывает возможность для различных видов и градаций подлинности» [4, с. 20]. Мир не раскрывается и не прочитывается масс-медиа, он «фабулизируется», то есть превращается в самореферентную нарративную фикцию, задающую режимы подлинности (истинности) происходящего. Как относиться к подобному очевидному факту виртуализации социальной реальности? По мнению Ваттимо, «фабулизация мира» в СМИ или превращение его в сказку в действительности делает социальные явления более прозрачными, поскольку «образы мира, которые нам преподносятся масс-медиа и гуманитарными науками, создают, правда, по-разному саму объективность мира, а не только предлагают различные интерпретации уже безусловно «данной» «реальности» [7, с. 32]. Звучит несколько обескураживающе? Однако по большому счёту в словах итальянского теоретика зафиксирован некий сдвиг в интенциях мыслительной деятельности современных социогуманитариев.

Конечно, «фабулизации мира» можно и должно, в соответствии с критериями научно-рациональной деятельности, противопоставить идею консервации некоего метаповествования (гранднарратива), которое могло бы служить некой узловой точкой или «центральным сюжетом» исторической драмы. Спасая собственную самоидентичность в границах и рамках универсальной истории («мета-

рассказа»), мы тем самым одновременно оказываем сопротивление «тоталитарной власти» масс-медиа. С другой стороны, существует альтернатива, когда безраздельное господство СМИ, по словам Ваттимо, способно придать опыту «особую подвижность и эфемерность», «производя некоторое «ослабление» самого понятия «реальность» и в итоге всего его содержания» [7, с. 68]. Если не существует более безусловно данной «реальности», тогда нет и оснований для фундаменталистских устремлений в социальной практике, поскольку сам социальный опыт в обществе всеобщей коммуникации «обретает свойства колебания, потерянности и игры» [7, с. 68].

Говоря о «дерезализации» как о феномене общества постмодерна, чаще всего рассматривают его в смысловых границах концепта «эстетизации». «Всеобщая эстетизация экзистенции» [7, с. 92] происходит в тот момент, когда процесс эмансипации человечества достигает определённого состояния, за которым нигилистическая линия развития культуры с необходимостью очерчивает свой предел. Освободившись от семантической фигуры Бога («Бог умер») человечество в действительности в акте саморефлексии преодолело последнее основание метафизического мировоззрения, утверждающего абсолютистские принципы мышления и веры, в том числе и атеистические комплексы богоборчества. В контексте опыта эпохи постмодерна, утверждает Ваттимо, это означает, что с утратой Бога как абсолютной метафизической структуры реальности «вера в Бога становится вновь возможной» [6, с. 9]. Утрата веры в предельные основания опыта парадоксальным образом дезавуирует и нигилистические практики богоотрицания, которые по природе своей религиозно окрашены. В этом смысле становится невозможной и противоестественной любая однозначная констатация, даже в формате плюрализма и всеядности. В этой связи Ваттимо предрекает новый этап ремифологизации и реидеологизации сознания и как следствие отказ от фундаментальной нормативности толерантности и релятивизма в стратегиях коммуникации. Фактически мы признаём ограниченность опыта толерантности и констатируем нашу неспособность «взирать на вавилонское столпотворение» лишь извне, «from nowhere», отдавая себе отчёт в собственной ангажированности наличными культурными смыслами и коннотативными планами. Осознание глубокой вовлечённости в событийность культуры

позволяет отказаться нам от традиционной стратегии «расколдовывания» мира и принять его во всей фантазийности, хаотичности и иллюзорности явленных образов. Не случайно поэтому, что наибольшие возможности в переформатировании собственного мировосприятия открываются в тех областях, где прогресс телематических средств сделал функционирование языка символически насыщенным и визуально нагруженным, то есть в мире массовых коммуникаций и массовой культуры.

Таким образом, рефлексия нынешнего онтологического статуса социальных явлений и процессов становится в той степени релевантной и соответствующей современным стандартам научной рациональности, в какой она ориентируется на характеристики самого изучаемого объекта, то есть общества «второй модернити». Если сегодняшняя картина социальной реальности оказывается максимально сопряжена с процессами виртуализации и дереализации общественных отношений, то путь к их адекватному постижению лежит через анализ альтернативных онтологий медиареальности и медиакон-

муникации как прообразов модели будущего социального переустройства.

Список литературы

1. Бауман З. *Текущая современность*. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Бек У. *Общество риска: На пути к другому модерну* / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
3. Бек У. *Космополитическое мировоззрение*. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. – 336 с.
4. Беньямин В. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости*. – М.: «Медиум», 1996. – 240 с.
5. Борхес Х.Л. *Сад расходящихся тропок* // Х.Л. Борхес. *Собрание сочинений в 4-х тт.* Т. 2. *Произведения 1942-1969 гг.* – СПб.: Амфора, 2007 – С. 135-145.
6. Ваттимо Дж. *Прозрачное общество*. Пер. с ит. / Перевод Дм. Новикова. – М.: Издательство «Логос», 2002. – 128 с.
7. Ваттимо Дж. *После христианства*. – М.: Три квадрата, 2007. – 160 с.
8. Деррида Ж. *Вокруг Вавилонских башен*. – СПб.: Machina, 2012. – 118 с.
9. Пелевин В. *Generation «П»*. – М.: Вагриус, 2003 – 336 с.
10. Рогозина И.В. *Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект: автореферат дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19*. – Барнаул, 2003. – 42 с.